

Виктор Харебов
Марина Харебова

Осетянские
Эпосы

ВИКТОР ХАРЕБОВ
МАРИНА ХАРЕБОВА

ОСЕТИНСКИЕ ЭТЮДЫ

О художниках, поэтах, музыкантах
и мастерах сцены Осетии.

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 77
ББК 85.16
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харегов Виктор

Х20 Осетинские этюды : О художниках, поэтах, музыкантах и мастерах сцены Осетии. / Виктор Харегов, Марина Харегова. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 90 с. ISBN 978-5-0068-6027-8

Сборник «Осетинские этюды» объединяет пятнадцать философско-поэтических эссе о выдающихся деятелях искусства Осетии — художниках, поэтах, музыкантах, актерах. Это размышления о свете и вдохновении, о связи таланта с землей и временем, о вечности искусства, рождающегося из духа гор и превращающего человеческое творчество в дыхание самой природы. В каждом этюде звучит любовь к родной культуре и вера в то, что красота способна преодолеть время и сохранить душу народа.

УДК 77
ББК 85.16

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0068-6027-8

© Виктор Харегов, 2025
© Марина Харегова, 2025

ЭТЮДЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРОВ

Есть на свете земля, где искусство рождается не из формы и не из замысла, а из дыхания самой природы. Эта земля – Осетия. Здесь свет ложится на холсты так, будто помнит древние горные тени; слово звучит так, будто его повторяют ветры перевалов; а музыка течет, как горный поток, в котором отражается небо.

Осетия всегда жила в пространстве искусства. Художники, писатели, музыканты – они не просто творили, они вслушивались в ритм своей земли, превращая ее дыхание в краски, строки и мелодии. Их творчество – это зеркало гор, в котором человеческая душа видит себя очищенной и вознесенной над временем.

Настоящий сборник – пятнадцать этюдов о свете и звучании осетинской культуры. Каждый из них – это не биография, не очерк, а размышление: о том, как вдохновение превращается в судьбу, как национальный мотив становится частью вечного искусства. Здесь соединяются философия и поэзия, документ и созерцание, память и мечта.

Есть особая тишина, в которой рождается искусство. В ней слышен не только зов гор, но и шепот веков, отзвук тех голосов, что творили до нас. В каждом подлинном

произведении искусства живет воспоминание о предках — тех, кто строил мир не из камня, а из смысла, не из звука, а из души. И потому художник — не просто человек, он посредник между временем и вечностью, между мгновением и глубиной.

Когда кисть касается холста, когда перо выводит строку, когда звучит первый аккорд — это не просто акт творчества, это свидетельство существования духа, который сильнее пространства и времени. Искусство — это форма памяти, где не исчезает то, что было создано искренне.

Мы живем в эпоху перемен, когда шум времени пытается заглушить тихий голос красоты. Но истинное искусство не исчезает — оно лишь затаивается, чтобы однажды вновь прозвучать, как эхо в долинах, как свет на вершинах. И тогда человек снова обретает чувство дома — духовного, того, где корни становятся крыльями.

Мы стремились рассказать о той внутренней музыке, что звучит в каждом подлинном творении. Эти страницы — не столько повествование, сколько приглашение к диалогу, в котором свет и смысл неразделимы.

Пусть этот сборник станет данью уважения всем, кто несет в мир огонь осетинского духа — художникам, поэтам, композиторам, дирижерам, актерам и актрисам. И пусть каждый этюд станет лучом, отражающим их живой, неповторимый свет — свет, в котором соединяются память и вдохновение, земля и небо, человек и вечность.

ЭТЮД 1. ГОЛОС ГОР

Арфа Коста Хетагурова

Голос Коста Хетагурова — голос гор, впитавший в себя запах горных трав, звон копыт на горной тропе и вечернюю тишину над аулом. Он не был просто поэтом. Он был тем, кто научил слово смотреть в глаза правде и не отводить взгляда.

В его стихах горы оживали не как фон, а как свидетели и судьи. Они стояли рядом с ним, когда он писал о бедности и унижении, о красоте и достоинстве, о родной земле, которая может быть суровой, но никогда — чужой. В этих строках жила арфа — невидимая, но ощутимая, с тугими струнами, натянутыми из страданий и любви народа. Каждый удар по ним отзывался в сердце Осетии.

Коста писал, как будто слышал музыку, которой не слышали другие. Это была музыка неба над Казбеком, шепот горных рек, стук молота кузнеца, пение женщины над колыбелью — и все это сливалось в один аккорд. Он умел превращать боль в свет, а простое слово — в клятву.

Философия его поэзии — в верности истине. Он был арфой, но и зеркалом, в котором каждый осетин видел себя. Иногда отражение было светлым, иногда — горьким, но всегда — честным. Коста говорил: народ, лишенный правды, — это народ, лишенный будущего. Его голос звучал не только в стихах, но и в поступках: в помощи обездоленным, в открытых письмах, в непримиримости к несправедливости.

И потому он стал духовной матрицей нации. Не в том смысле, что создал народ, — но в том, что научил его помнить себя, даже когда все вокруг склоняет к забвению. Коста Хетагуров — это не просто страница в книге, это тихий, но неугасимый свет, горящий внутри каждого, кто хоть раз читал его строки.

И когда в горах поднимается ветер и начинает играть в каменных ущельях, можно подумать, что это сама арфа Коста отзывается на вечный зов: струны из боли, струны из надежды, струны из мечты. И горы слушают. И народ слушает. И каждый, кто слышит этот голос, уже не может остаться прежним.

ЭТЮД 2. МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЕНЬЮ

Искусство Максима Цагараева и Ахсара Гассиева

К картинам Максима Цагараева и Ахсара Гассиева возвращаешься снова и снова, словно к окну, из которого открывается вид, меняющийся с каждым днем. Их полотна не просто отражают мир — они разговаривают с ним, всматриваются в него, находя скрытые смыслы там, где взгляд привык видеть лишь привычное.

Свет и тень в их творчестве — это не техника, а философия. У Цагараева свет часто мягок, как дыхание утра, он обнимает предметы и людей, не вырывая их из тени, а позволяя быть в ее полутоне. У Гассиева свет иной — резкий, почти резонирующий, пробивающийся сквозь тяжелые облака, как внезапная истина, от которой невозможно отвести взгляд. Оба художника знают, что свет без тени — слеп, а тень без света — безликая пустота.

Их картины — это внутренняя вселенная, где каждая деталь имеет значение. Философия цвета в их работах сродни языку поэзии: у Цагараева — это приглушенные, глубокие тона, как строчки, сказанные вполголоса, но от этого еще более пронзительные. У Гассиева — яркие акценты, которые вспыхивают, как эмоциональные кульминации в стихах, пробуждая зрителя от привычного восприятия.

Вглядываясь в их полотна, начинаешь понимать: они не просто изображают реальность — они открывают ее новую грань, словно снимая завесу. Тот самый луч солнца, пробивающийся сквозь облака, у них становится не только пейзажным элементом, но и метафорой — пробуждением духа в человеке, прозрением, которое приходит не сразу, а как тихое откровение.

Их живопись — это форма молчаливого диалога с вечностью. Художники, подобно хранителям, несут не только образы, но и то, что за ними стоит: воспоминания народа, его боль, его радость, его стремление к свету. В их работах можно найти и нартовскую гордость, и смиренную красоту горных селений, и ту тонкую грань между земным и небесным, которая делает Осетию неповторимой.

Время в их картинах течет иначе. Оно не торопится. Оно дает возможность рассмотреть отблеск солнца на воде, трещину в старом камне, дым, медленно поднимающийся из печной трубы. И в этих деталях — та самая философия бытия, где свет и тень не враждуют, а вместе создают пространство, в котором душа находит форму.

И, может быть, именно поэтому их искусство остается с нами. Потому что, выходя из галереи или закрывая альбом с их репродукциями, мы уносим с собой не только увиденное, но и услышанное без слов — тихое, но глубокое напоминание: дух просыпается там, где свет и тень встречаются, чтобы стать единым дыханием.

ЭТЮД 3. ОТ ФОРМЫ К СМЫСЛУ

Сияющие миры Ацамаза Харебова

Иногда художник не просто пишет картины — он открывает пространство света, где человек словно впервые встречается самого себя. Искусство Ацамаза Харебова именно таково: оно изображает мир, и раскрывает его сияние, делает видимым невидимое.

Картины Харебова — это отражения иных измерений, где материя становится светом, а свет — дыханием. В них нет границ между реальностью и воображением, между видимым и осязаемым. Каждое полотно словно рождено на границе сна и пробуждения, где цвета не просто краска, а энергия, способная изменять внутреннее состояние зрителя.

В его живописи есть что-то от древних мифов и что-то от будущего, которого мы еще не достигли. Это искусство памяти и предчувствия. Здесь сквозь абстрактные формы проступает космос души, а линии напоминают о первоэлементах — огне, воде, воздухе, земле и свете. Художник словно заново выстраивает вселенную — не ту, что за окном, а ту, что внутри человека.

Свет у Харебова — не просто визуальный эффект, а смысловой центр. Он не освещает предметы, а рождает их. Каждая вспышка, каждый переход тона — это движе-

ние духа, поиск гармонии между хаосом и порядком. Этот свет живет и дышит, он не статичен: он то вспыхивает, как вдохновение, то замирает в прозрачной тишине, как мгновение откровения.

Его миры – это пространство созерцания. В них нет места суете, шуму, случайности. Здесь все подчинено внутреннему ритму, похожему на дыхание вселенной. Зритель словно вступает в диалог с самим светом, ощущая его не глазами, а сердцем. И в этом – суть искусства Харебова: оно не рассказывает, а пробуждает.

В каждом полотне есть ощущение пути – из тьмы к свету, из формы к смыслу, из хаоса к гармонии. Этот путь универсален: он проходит через человека, через его внутреннее сомнения, страсти и надежды.

Может показаться, что его живопись абстрактна. Но на самом деле она глубоко реальна – просто реальна иначе. Это реальность света, энергии, сознания. Художник словно напоминает: истина не в том, что видимо, а в том, что сияет внутри.

Так рождаются его сияющие миры – миры, где цвет становится мыслью, а линия – молитвой. Это пространство чистого чувства, где нет границ между искусством и бытием.

И потому, глядя на картины Харебова, мы вдруг понимаем: свет, который он изображает, – это свет, живущий в нас самих.

ЭТЮД 4. СИМФОНИЯ ПОКОЯ

Феликс Алборов и тишина звука

Некоторые композиторы стремятся к блеску и громогласности, к мощным аккордам, что захлестывают зал, подобно волне. А есть те, чья музыка тиха и светла, но в этой тишине — целый мир. Феликс Алборов принадлежал к последним. Его творчество — это не вызов и не демонстрация силы, а тихая беседа с душой, в которой каждое слово-звук весит столько же, сколько целая жизнь.

Он родился среди гор, и, кажется, именно они стали его первой школой музыки. Не партитуры и не наставления учили его гармонии, а шум ветра, шелест листвы, мерный стук дождя по крыше дома. С детства он понял, что музыка — это не только то, что записано на бумаге. Это дыхание мира, которое можно услышать, если уметь молчать. Возможно, поэтому музыка Феликса Алборова никогда не была шумной — она была глубокой, как озеро, в котором отражается небо.

В своих произведениях Феликс Алборов никогда не стремился к излишней театральности. Его произведения — это скорее путешествия внутрь, чем демонстрация внешнего блеска. В основе его музыкального мироощущения лежала простая истина: музыка должна исцелять.

О нем порой говорили, что он композитор камерных пространств, но такое определение слишком ограничива-

ет. Феликс Алборов свободно владел и крупными формами, наполняя их внутренним дыханием и естественной пластикой. Он понимал тайную природу голоса, который способен звучать, как многоголосая память народа, и тонко чувствовал драматургию, где музыкальная линия становится судьбой.

Особая сила его стиля – в органичном соединении национального и академического начал. Осетинский напев, мягкая лиричность и точность формы в его музыке не вступали в противоречие, а сливались в единый живой поток.

В жизни Феликс Алборов был человеком немногословным. Но стоило ему коснуться клавиш или открыть чистый лист нотной бумаги, как тишина вокруг вступала с ним в незримый союз. Он умел слушать паузы между звуками – и именно там, в этих паузах, рождалась настоящая музыка.

Феликс Алборов оставил после себя не только партитуры, но и особое чувство – что мир может быть гармоничным, если научиться его слышать. Его музыка не стареет, потому что она обращена не к моде, а к человеческой душе. И, возможно, именно поэтому, слушая ее сегодня, мы чувствуем то же, что чувствовали его первые слушатели: как в нас прорастает тихий свет, а сердце начинает дышать в ритме вечности. И мы видим в себе тот самый свет, который он умел превращать в мелодию души.

ЭТЮД 5. СЕРДЦЕ, ПОЮЩЕЕ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Жанна Плиева – поэтика композитора

В музыке Жанны Плиевой нет границы между прошлым и настоящим. Она словно живет в двух мирах одновременно: в мире древних напевов, которые звучали у костров и на свадебных торжествах, и в мире тончайших гармоний, рожденных в залах консерваторий и концертных площадках. Ее искусство – это мост, перекинутый через время, по которому может пройти каждый, кто готов слушать сердцем.

Жанна Плиева выросла среди звуков родной земли: песен, в которых женщины оплакивали близких или благословляли молодоженов, мелодий, которыми пастухи отзывались друг другу в горах, торжественных и грустных мотивов праздников. Эти звуки она пронесла через всю жизнь, превратив в основу своей композиторской речи. Но она никогда не копировала фольклор буквально – она вплетала его в ткань своих произведений, как тонкую золотую нить, придающую блеск и глубину.

Ее мелодии имеют удивительное свойство: они одновременно узнаваемы и непредсказуемы. Словно в них спрятан древний код, который отзывается в сердце каждого, кто слышит, – даже если он никогда не был в Осетии и не знал ее песен. Плиева соединяет ясность народного

мотива с современным музыкальным языком: неожиданные гармонические повороты, сложные ритмические рисунки, прозрачные, как горный воздух, оркестровки.

Особое место в ее творчестве занимает работа с голосом. Песня у нее — это не просто вокальное произведение, а диалог человека с миром. Она может звучать как тихая исповедь, а может — как мощный, почти эпический призыв. Но всегда в основе — человеческое чувство: любовь, тоска, надежда.

В оркестровых произведениях Жанны Плиевой слышно дыхание пространства. Там нет случайных звуков: каждый аккорд — как шаг по каменной тропе, каждый тембр — как оттенок неба в разное время дня. Ее музыка строится не на спешке, а на созерцании, и потому она действует глубоко и надолго.

Философия Плиевой проста, но требует внутренней честности: прошлое нельзя заморозить, его нужно прожить заново в настоящем. Только тогда оно сохранит силу и будет способно говорить с будущим.

Слушая ее произведения, можно почувствовать, как две реки — река традиции и река современности — сливаются в одно течение. И в этом течении есть место каждому: и тому, кто ищет истоки, и тому, кто устремлен в будущее. Музыка Жанны Плиевой — это не просто звуки, а сердце, поющее сквозь время, и это сердце говорит на языке, который понимает любой человек, где бы он ни жил.

ЭТЮД 6. ЗВУК ВЛАСТИ И ВДОХНОВЕНИЯ

Валерий Гергиев – дирижерская воля

Валерий Гергиев стоит на подиуме так, будто в его руках сосредоточено все движение мира. Один взмах – и медные трубы вспыхивают, словно горные рассветы; легкий поворот кисти – и струнные замирают, как вечерний воздух над рекой. Его дирижирование – это не просто координация оркестра, это энергетический поток, в котором сливаются воля, страсть и миссия.

Его жесты экономны, но полны внутреннего напряжения. Он не распыляется, не разбрасывается эмоциями – он направляет их точно в цель, как опытный стрелок. В оркестре под его рукой нет лишних звуков: каждый аккорд – это выверенная мысль, каждая пауза – осознанное дыхание.

Но Гергиев – не только музыкант мирового уровня, он и культурный дипломат. Его концерты в разных странах становятся посланиями без слов. Он умеет говорить языком музыки о вещах, которые трудно выразить иначе: о достоинстве, о памяти, о праве народа быть собой. И потому неудивительно, что в трудные времена, когда решалась судьба Южной Осетии и ее народа, он не остался в стороне. Он открыто поддержал свою малую родину, выступая с заявлениями, давая концерты в знак солидарно-

сти, привлекая внимание мировой общественности. Для него это было не жестом вежливости, а долгом чести.

В этом проявилась еще одна сторона его миссии: он стал мостом между Осетией и миром. Его имя открывало двери крупнейших концертных залов, и через эти двери он вел в мир частицу своей родины. Он не просто представлял Осетию на мировой сцене — он делал так, чтобы мир слышал ее голос.

Его энергия — это не только сила рук, управляющих оркестром, но и сила сердца, способного держать в себе память и верность. В каждом его выступлении есть то, что невозможно отрепетировать: внутренний ритм, соединяющий в себе и биение сердца музыканта, и дыхание его народа.

Когда он стоит перед оркестром, можно представить, что за его спиной — горы, а перед ним — весь мир. И в этот момент он действительно становится тем самым мостом, который соединяет их, — мостом, по которому музыка идет от истоков к бескрайнему горизонту, не теряя своей силы и правды.

ЭТЮД 7. ТИШИНА, СТАВШАЯ ЗВУКОМ

Вероника Дударова – дирижер времени

В истории дирижерского искусства немало громких имен, но путь Вероники Дударовой – особенный. Она вошла в профессию, когда для женщины стоять за пультом перед оркестром считалось почти невозможным. СССР знал дирижеров-мужчин, знавших силу и славу, но не видел женщины, способной управлять этим кораблем музыки, где каждая партия, каждый инструмент требует точности, характера и безусловного авторитета. Дударова стала первой – и сразу навсегда изменила представление о границах.

Ее история – это путь сквозь недоверие, предвзятость и сомнения. В начале ее карьеры находились те, кто открыто говорил: «Это не женское дело». Но она не спорила словами – она отвечала звуком. С каждым концертом, с каждым репетиционным часом она доказывала, что дирижирование – это не вопрос пола, а вопрос внутренней силы и ясности художественного замысла.

Вероника Дударова обладала особенным стилем управления оркестром. Ее жесты были точными, но не холодными, полными пластики и уверенности. Она никогда не пыталась копировать мужскую манеру – ее дирижиро-

вание было утонченным, но насыщенным энергией, а ее внутреннее пламя чувствовалось даже в самых тихих пассажах. Она умела заставить оркестр играть так, чтобы в музыке слышалась не только техника, но и дыхание живого чувства.

Ее биография — это летопись достижений, но и летопись преодолений. За каждым большим концертом стояли годы упорного труда, за признанием — сотни часов в зале, где она одна против целого мира доказывала свое право стоять за пультом.

Дударова говорила, что дирижер — это не только музыкант, но и философ. И действительно, ее трактовки произведений были глубоки и осмысленны. В ее исполнениях чувствовалась не только музыкальная логика, но и история, стоящая за каждой нотой.

Она была дирижером времени — умела управлять не только ритмом музыки, но и течением смысла. Ее концерты оставляли в памяти ощущение, что ты прикоснулся к чему-то неизмеримо большему, чем просто исполнение произведения.

Вероника Дударова доказала, что внутреннее пламя способно растопить самые холодные стены сомнений. И сегодня, вспоминая ее, мы видим не только первую женщину-дирижера в СССР, но и человека, который научил музыку говорить новым голосом — голосом, в котором тишина стала звуком, а сила — красотой.

ЭТЮД 8. ТАНЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К НЕБУ

Светлана Адырхаева – балет и дыхание вечности

На сцене она появлялась так, будто не выходила из кулис, а рождалась из света. Ее движения были точными, как рисунок резца, и одновременно текучими, как горная река весной. Светлана Адырхаева не просто танцевала – она превращала каждый шаг в слово, каждое движение в фразу, каждый поворот в паузу, полную смысла. Ее искусство было выше техники, выше блеска – оно касалось области, где тело и дух перестают быть разделенными.

С детства в ее судьбе был ритм – не только музыкальный, но и ритм внутренней дисциплины. Балет требует жертв, и она знала об этом. Но для нее эти жертвы были не утратой, а обретением: каждое утро у станка, каждая репетиция были шагами на пути к идеальной форме – не ради красоты, а ради истины.

В ее танце чувствовалась Осетия. Не в прямых цитатах фольклора, не в намеренных жестах, а в самой природе ее движения – гордой, открытой, устремленной вверх. Она несла в себе ту особую горскую осанку, когда спина прямая не из-за выучки, а из-за внутреннего чувства достоинства.

Адырхаева умела превращать сцену в храм. В ее исполнениях были роли, где трагедия и ликование существо-

вали рядом, как две стороны одного мига. Она могла взлететь — и это был не просто прыжок, а жест освобождения, как если бы душа сбросила с себя тяжесть тела. Могла замереть в неподвижности — и в этой тишине зритель слышал целую историю.

Философия ее танца была проста и безупречна: балет — это молитва в движении. Не перед кем-то, а перед самим понятием красоты и гармонии. Танцую, она не играла, а жила на сцене. Каждое ее па-де-де, каждый арабеск были разговором с невидимым собеседником — может быть, с небом, может быть, с вечностью.

Вечером, когда спектакль заканчивался, зал еще долго не отпускал ее. А в памяти зрителей оставался тот образ, который невозможно забыть: тень танцовщицы, летящая по мрамору сцены, легкая, как дыхание, и свободная, как душа, которая наконец нашла путь в небо.

И, возможно, именно поэтому имя Светланы Адырхаевой стало символом того, что искусство способно преодолеть земное. Оно может стать мостом к вечности — если в него вложено все, чем живет человек: труд, вера, любовь и бесконечная устремленность вверх.

ЭТЮД 9. ГОЛОС, ОТКРЫВАЮЩИЙ ВСЕЛЕННУЮ

Вероника Джигоева и сила лирической
мощи

Одни голоса просто звучат, другие же преобразуют пространство — в них рождается дыхание смысла, которое меняет все вокруг. Голос Вероники Джигоевой — из тех, что не просто наполняют зал, но раскрывают в нем целую Вселенную. Она выходит на сцену, и привычное время перестает существовать: остаются только музыка, дыхание зала и тот свет, который рождается из ее пения.

Для Джигоевой опера — это не жанр, а форма духовного преобразования. Она не «играет» героиню — она становится ею. Каждое ее исполнение — это алхимия звука и чувства, где нота — это не технический элемент, а крошечная вселенная со своим цветом, температурой, ароматом. Ее голос может быть мягким, как бархатный вечер над горами, и в то же время пронзительным, как первый крик новорожденного.

Она владеет редким даром — петь так, что за музыкой слышится жизнь. В ее ариях слышны радость и горечь, отчаяние и надежда, победа и утрата. Это не просто интерпретация — это проживание. И зритель верит ей, потому

что она поет не для демонстрации голоса, а для передачи правды.

Голос Джигоевой — как капля чистого света, упавшая в темноту и рассыпавшаяся на радугу. Он заполняет зал не только звуком, но и цветом эмоций, которые остаются с каждым слушателем надолго. В этих звуках есть и гордая гордость, и женская мягкость, и сила духа, которую не сломить.

Ее выступления — это всегда встреча с чем-то большим, чем просто музыка. Это встреча с душой, которая решила заговорить языком звука. И в этой встрече рождается особая тишина — та самая, что наступает в зале после последней ноты, когда никто не решается аплодировать слишком быстро, боясь разрушить хрупкое чудо.

Философия ее искусства в том, что голос — это не только орган, не только техника, а форма присутствия души в мире. Это мост между человеком и бесконечностью, по которому можно передать все: любовь, молитву, память, благодарность.

И потому, когда Вероника Джигоева поет, кажется, что в этот момент весь зал дышит одним дыханием, а над сценой распаивается невидимое небо. И в этом небе, полном звезд и света, мы слышим не просто голос певицы, а голос самой вечности, отозвавшейся в человеческом сердце.

ЭТЮД 10. ОСЕТИНСКИЙ ОТЕЛЛО, ПОКОРИВШИЙ МИР

Владимир Тхапсаев. Судьба, сыгранная
на сцене

Бывают судьбы, вспыхивающие, как сверхновая звезда: ослепительные, краткие и вечные — их свет не тускнеет с годами. Таков был Владимир Тхапсаев — актер, для которого сцена была не ремеслом, а пространством горения духа. Его талант был настолько могуч, что становился событием не только искусства, но и самой жизни.

Мощь его дарования потрясала. Она не просто поражала зрителя — она обжигала душу, пробуждая в человеке то, что редко удается пробудить даже словом или музыкой: чувство сопричастности к высшему. В его игре не было наигранности — была правда страсти, глубокая, искренняя, древняя, как сама человеческая боль.

Когда Тхапсаев выходил на сцену, пространство театра преображалось. Воздух наполнялся той невидимой энергией, которую невозможно объяснить логикой — это была аура вдохновения, которую ощущали и зрители, и партнеры по сцене. Его Отелло ошеломил страну, став мерилом истинной трагической силы. Его Король Лир и Макбет вошли в сокровищницу осетинского театра, но, по сути, —

в духовную историю народа. Ведь в каждом движении, каждом взгляде, в каждом слове звучала не только судьба героя, но и голос самой Осетии, ее гордого и неукротимого духа.

Он говорил: «Шекспир для меня — это вечные поиски, труд и счастье познания». В этих словах — вся его суть. Тхапсаев был не просто исполнителем ролей, а вечным учеником сцены, жадно ищущим истину в человеке, в слове, в молчании. Он входил в каждую роль, как в новую жизнь, заново открывая боль и надежду, любовь и гибель. И каждый раз — по-настоящему, без защиты, без привычного сценического панциря.

У него был редкий дар — способность удивляться. Он не уставал познавать жизнь, людей, судьбы, характеры. Эта внутренняя неутолимость делала его великим артистом. Ведь истинное искусство рождается из жажды понимания, а не из уверенности.

Говоря о Тхапсаеве, невозможно отделить личность от театра. Он был не просто актером Осетинского театра — он был его сердцем. Влияние его искусства ощущалось во всем ансамбле — в интонациях, пластике, внутренней дисциплине. В нем воплотилась сама идея служения сцене, как служения народу, культуре, духу.

Тхапсаев был актером редкой органики — его голос имел удивительный тембр и диапазон, в его движениях было достоинство гор, его лицо выражало целую гамму чувств, от тихого страдания до бурного восторга. Но все это — лишь внешние проявления. Главная сила его дарования — в духовной энергии, в том свете, который исходил изнутри.

Он не играл — он жил. И именно поэтому его искусство не стареет. Оно не принадлежит ни времени, ни стилю, ни школе. Оно принадлежит вечности, где великие образы продолжают звучать, как молитвы, обращенные к человеку.

Глядя сегодня на путь Владимира Тхапсаева, мы видим в нем не только великого актера, но и символ — того, как из маленькой горной земли может восстать свет, равный свету мировых сцен. Он доказал, что сила таланта не знает границ, если она питается искренностью и любовью.

Его жизнь — это урок для всех, кто вступает на путь творчества: не бойся быть учеником, не уставай искать, не угасай в своем пламени.

ЭТЮД 11. ОГОНЬ ПОД СЦЕНИЧЕСКИМ СВЕТОМ

Фатима Тадтаева – актриса трагедии

Когда на сцену выходила Фатима Тадтаева, зал переставал быть зрительным залом. Он превращался в пространство откровения, где каждое слово, каждый жест становились истиной, сказанной не от лица персонажа, а от лица самой жизни. Ее талант был сродни пламени: он согревал и обжигал одновременно, притягивал взгляд и не давал отвести его до самого конца спектакля.

Тадтаева обладала редким даром – соединять в одном образе величие и хрупкость. Ее героини были сильны не потому, что не знали страха, а потому, что умели идти сквозь него. В ее глазах зритель видел целую историю: радости, утраты, бессонные ночи, тихие молитвы, непреклонные решения. Даже в тишине, когда она стояла на сцене без слов, ее присутствие было наполнено драматической энергией.

Ее трагическая мощь заключалась не в громких монологах, а в правде эмоций. Она не играла горе – она проживала его так, что зритель невольно становился ее соучастником. И в этой соучастности рождалась связь, которую невозможно оборвать: зритель уходил из театра, но героиня Тадтаевой оставалась с ним, в сердце и памяти.

Каждая роль для нее была не просто задачей, а духовной миссией. Она говорила, что театр должен не только развлекать, но и очищать. Поэтому в ее исполнениях всегда чувствовалась глубина – будь то классическая трагедия, современная драма или пьеса, наполненная фольклорными мотивами. Она умела поднять частную историю на уровень символа, сделать так, чтобы личная боль становилась болью всех.

Философия ее искусства была проста: сцена – это не место для демонстрации, это место для правды. И эта правда, обнаженная и беззащитная, способна менять людей. Тадтаева верила в эту силу и потому работала до предела, отдавая себя без остатка.

Образ, который остается в памяти, – тень Фатимы Тадтаевой в свете рампы. В ее силуэте угадывается и женская судьба, и судьба народа, и вечная тема борьбы между судьбой и волей. Ее огонь на сцене был не декоративным – он был настоящим пламенем, которое сжигало ложь и высвечивало самое важное.

И потому сегодня ее имя звучит как синоним честного, глубоко пережитого театра, в котором актриса и зритель встречаются не для игры, а для того, чтобы вместе пройти через испытание и выйти из него обновленными.

ЭТЮД 12. ТОНКАЯ НИТЬ СВЕТА

Цецилия Джатиева — актриса вечного диалога

Стоило Цецилии Джатиевой появиться на сцене, как пространство театра преображалось. Ее появление было не шумным, не демонстративным, а глубоким и притягательным, как тихое открытие окна в мир, где каждая деталь дышит поэзией. В ее облике сочетались редкая женственность и внутренняя сила, а необыкновенная внешняя красота становилась лишь обрамлением для куда более важного — живой, светлой и в то же время серьезной души.

Джатиева обладала даром говорить глазами, не произнося ни слова. Ее взгляд мог быть теплым, словно утренний свет на горной вершине, или холодным, как лед родникового ручья — и оба состояния были одинаково убедительны. Она умела вызывать эмоцию, не прибегая к излишней экспрессии, — ее сила заключалась в тонкости.

В каждой роли, будь то героиня классической драмы, лирическая героиня современного произведения или персонаж, укорененный в народных преданиях, она находила ту невидимую нить, что связывает сцену и зрительный зал. И по этой нити текло не просто действие пьесы, а что-то большее — доверие. Зритель чувствовал: перед ним чело-

век, который проживает историю честно, без игры на эффект.

Лирическая глубина Джатиевой проявлялась в ее особом тембре голоса, в умении выдержать паузу так, что она говорила больше, чем длинный монолог. Она могла одним жестом, легким наклоном головы или едва заметной улыбкой изменить эмоциональный тон всей сцены. Это был не показательный артистизм, а тонкая, филигранная работа души.

Ее внешняя красота была легендой театра. Но это была не холодная, отстраненная красота — в ней было тепло и благородство, которое чувствовалось и в облике, и в манере держаться. На сцене она умела сделать так, что красота становилась не целью, а инструментом для раскрытия характера, частью образа, в котором внешнее и внутреннее не спорили, а усиливали друг друга.

Когда спектакль заканчивался, и зал провожал ее долгими аплодисментами, оставалось ощущение, что встреча с ней — это не просто вечер в театре, а прикосновение к чему-то чистому и светлому, что будет жить в памяти еще долго. Цецилия Джатиева оставила после себя образы, которые невозможно стереть, и тихую, но прочную нить света, связывающую сердца тех, кто видел ее искусство.

ЭТЮД 13. СЛОВО И СВЕТ

Путь Нафи Джусойты

Нафи Джусойты принадлежал к поколению, чьи судьбы проходили через суровые десятилетия — войну, послевоенное восстановление, эпоху перемен. Он стал одним из тех, кто дал осетинской литературе XX века новое дыхание — человеческое, земное, искреннее.

Но его слово не стало жестким; напротив, в нем звучала вера — тихая, но несокрушимая. Он писал не о героях из бронзы, а о людях из плоти и души — о тех, кто живет в аулах, растит детей, пашет землю, мечтает, страдает и надеется. Его герои — не символы, а соседи. И именно в этой простоте — подлинное благородство его пера.

В стихах Джусойты звучит особая музыкальность: не пышная, не громкая, а как песня, спетая у родного очага. Он умел соединять архаическое и современное, народную интонацию и философскую глубину. Его образы дышат Осетией — горным воздухом, светом утренних вершин, ароматом полевых трав. Но за этой природной конкретностью скрывается вечный мотив: человек перед лицом мира, совести и памяти.

Как прозаик, Джусойты был внимателен к деталям. Его рассказы и очерки — словно короткие отрезки жизни, вырезанные с ювелирной точностью. В них нет громких деклараций, но есть подлинное дыхание времени. Он писал о трудовых буднях, о стариках и детях, о языке, который

живет в народе и несет его дух. Для него каждое слово было живым существом, требующим уважения и любви.

Особая страница его творчества — переводы. Он открывал для осетинских читателей голоса других народов, но при этом умел сохранить звучание родного слова. В его переводах не терялась душа оригинала — наоборот, она как будто находила новый дом. Так Джусойты строил мосты — от гор к равнинам, от Осетии к миру, от сердца к сердцу.

Его публицистика — это не холодный анализ, а живая беседа с читателем. Он умел говорить просто о сложном: о нравственности, о культуре, о памяти, без которой народ теряет корни.

Творчество Нафи Джусойты — это не просто страница осетинской литературы XX века. Это путь человека, для которого слово было совестью, а литература — служением. Он не стремился к громкой славе, но его голос стал тем тихим эхом, что продолжается в сердцах читателей. И когда читаешь его строки, кажется, что слышишь дыхание родной земли — ровное, спокойное, но вечное.

Он верил в силу добра, в стойкость души, в бессмертие языка. И потому его слово не стареет. Оно живет там, где звучит осетинская речь — в песнях, в сказаниях, в каждом честном слове, произнесенном от сердца.

И пока звучит это слово — живет и сам Нафи Джусойты.

ЭТЮД 14. ВСЕЛЕННАЯ СЛОВА

Проза Алана Черчесова

Проза Алана Черчесова — это особое пространство, где мысль и музыка живут в одном ритме. Она соткана из света и тени, из философии и иронии, из воспоминания и сновидения. Его текст — не просто повествование, а игра с реальностью, как в произведениях Набокова: за словом всегда скрыто другое слово, за смыслом — тень смысла, за движением — отражение в зеркале.

Каждая его фраза выверена, как нота в сложной партитуре, где нет случайных звуков. Черчесов пишет так, будто разговаривает с памятью самого языка — и та отвечает ему эхом древних культур. Он способен соединить точность филолога с вдохновением поэта. Его проза не повествует — она вспоминает, и в этом воспоминании рождается вечность.

Его стиль изощрен, как тонкий узор эмали. В нем есть набоковская игра с оттенками, с прозрачными двойниками слов, с ритмом и смыслом. Но эта изощренность не ради формы — это способ видеть мир во всех его отражениях. Он, как мастер на грани двух зеркал, показывает, что язык — это не инструмент, а судьба.

Черчесов умеет улыбаться над трагическим, потому что знает цену и боли, и времени. Его ирония спасает от пафо-

са, а его печаль очищает от суеты. В его прозе нет героев, которые стремятся к победам; есть люди, ищущие смысл бытия, смысл собственной тени.

Осетия у Черчесова — не фон, а метафизическая сцена, где пересекаются времена и культуры. В этих страницах Кавказ не противопоставлен миру — он его дополняет. Здесь античность вступает в диалог с современностью, а родная речь звучит в созвучии с мировой литературой. Малое становится универсальным, локальное — космическим.

Он строит свои книги, как башни из памяти — из камня и дыхания. Каждый роман — это архитектура духа, где все подчинено внутреннему ритму. Его язык ясен и сложен одновременно: в нем нет ни случайной фразы, ни декоративной запятой. Он пишет, как человек, который видит в слове отражение Вселенной.

В прозе Черчесова слышится отзвук мировой традиции — от Софокла до Джойса, от Кафки до Набокова, но все это проходит через осетинскую душу, через особое чувство меры и интонации. Он говорит от имени малого народа, но его голос звучит в масштабе человечества.

Черчесов создает литературу, где Осетия не замкнута в границах, а распахнута миру. Его герои живут между эпохами, языками и снами, но ищут одно — истину человеческого существования. И в этом поиске рождается не просто национальная, а универсальная проза, где мысль становится формой красоты.

Он не ищет ответов, он ищет звучание — ту ноту, в которой соединяются память и вдохновение, разум и интуиция. Его книги — это путь внутрь языка, где каждое слово несет свет. И потому чтение Черчесова — это не просто встреча с автором, это духовное соучастие.

Когда читаешь его строки, кажется, что время становится прозрачным. Слова начинают светиться изнутри, как камни в горной реке. И вдруг понимаешь: перед тобой

не просто писатель, а хранитель ритма человеческой памяти, человек, для которого литература — это форма бытия.

Этот голос — тихий, ироничный, внимательный — продолжает звучать. Он напоминает, что подлинная культура — это не прошлое, а свет, который проходит сквозь века. И пока этот свет живет в слове, Осетия остается не просто точкой на карте, а частью Вселенной.

ЭТЮД 15. ПАМЯТЬ, ИДУЩАЯ ЧЕРЕЗ ТУМАН ВРЕМЕНИ

Гайто Газданов и глубина мгновения

Проза Гайто Газданова рождается на границе воспоминания и видения. Она движется не по прямой линии сюжета, а по траектории сознания — через обрывки памяти, мгновения ясности, внезапные вспышки смысла. Его творчество словно находится в состоянии непрерывного внутреннего путешествия, где каждое впечатление становится шагом к тому, что человек скрывает от самого себя.

Газданов прожил жизнь вдали от родины, и это обстоятельство стало источником особой глубины его прозы. В эмиграции он создал собственный способ видеть мир — не извне, а изнутри человеческого опыта, через тихий монолог души. Его повествование почти всегда ведется от первого лица, и все описанное — люди, улицы, запахи, тени — проходит через призму субъективности. Так возникает пространство, где внешнее событие важно лишь настолько, насколько оно меняет внутренний свет героя.

Одним из самых личных и светлых его произведений стал роман «Вечер у Клэр». В нем память выступает не как архив, а как дыхание, а любовь — как путь, который человек проходит всю жизнь. Клэр — не просто жен-

щина, а образ, к которому возвращается душа героя даже спустя десятилетия. Это чувство, ранимое и чистое, становится внутренним компасом, единственным светом, который не угасает в пространстве чужих дорог. Через Клэр он открывает ту глубину мгновения, которая станет основой всей его прозы: память как способ оживлять утраченное и сохранять верность самому себе.

Но тема эмиграции у Газданова раскрывается не только через воспоминание, но и через путь, через движение в ночи и неизвестности. Именно такую сторону человеческого существования он развивает в романе «Ночные дороги». Это книга о судьбе эмигранта, который видит мир через стекло такси — профессии, ставшей для Газданова не только работой, но и философским опытом.

В «Ночных дорогах» ночь становится пространством откровения. Герой перевозит людей, чьи жизни вспыхивают рядом с ним на несколько минут — тревога, усталость, отчаяние, хрупкая надежда. Каждая встреча — маленькая новелла, случайный фрагмент чужой судьбы. Так Парижские улицы превращаются в карту человеческого существования, а внутренняя жизнь героя — в беспредельное путешествие между прошлым и настоящим.

Эмигрант здесь — не просто человек без родины; он — тот, кто живёт в промежутке между мирами. Газданов показывает, что изгнание — это не география, а состояние духа, где каждый шаг — попытка удержать себя от растворения в безымянной повседневности. «Ночные дороги» — роман о том, как человек остаётся собой в мире, который его не замечает, и о том, как ночь помогает увидеть то, что днём скрыто.

Вместе «Вечер у Клэр» и «Ночные дороги» образуют два полюса его прозы: один — свет памяти, другой — тень одиночества. И между ними — Газдановский герой, который ищет целостность там, где она кажется невозможной.

Его рассказы и романы часто лишены привычной фабулы. Газданов строит произведения на единстве настроения, а не на последовательности действий. Переходы совершаются ассоциативно: запах цветов, игра света, ночной шум Парижа могут открыть дверь к воспоминанию, которое становится центральным. Так возникает эффект «памяти в движении», точность и музыкальность которой сближает его прозу с Прустом, а философская напряженность — с Камю.

В его ранних книгах заметен поворот от наблюдения «всего сущего» к поиску идеала. Это движение от хаоса к утопии, от зыбкости мира — к желанию удержать смысл. Поздние тексты окрашены экзистенциальной тревогой: героям приходится проходить через темные сны, угрозы, преступления — не из злобы, а из внутреннего ослепления. Газданов показывает, что человек способен узнать себя только в ситуации предельной ясности, которую часто приносит опасность.

При этом его проза остается удивительно чувственной. Каждая деталь — запах, свет, движение — обладает собственным дыханием. Он умел передавать мгновение так, будто оно длится вечность, и вечность — так, будто она уместается в одном жесте. Газдановское повествование — это музыка тишины, в которой тончайшая нота зачастую важнее громкого аккорда.

Философия его произведений опирается на убеждение, что память — единственное пространство, где человек может быть целостным. Родина в его книгах — не географическая точка, а внутренний ландшафт, который идет с человеком даже туда, где он обречен быть чужим. И, может быть, именно поэтому его тексты воспринимаются как попытка вернуть утраченное — не страну, а себя.

Газданов долго оставался неизвестным на родине, и только в конце XX века его книги были услышаны заново. Но время не уменьшило силы его прозы: напротив,

сейчас ее созерцательность, философская честность и музыкальная ясность стали особенно современными.

Он писал о том, что невозможно потерять, если способен помнить. И в этой памяти – его подлинная родина и его вечность.

СВЕТ, КОТОРЫЙ НЕ ГАСНЕТ

Осетия — это земля, где культура рождается естественно, словно продолжение самой природы. Ее голос тихий, но уверенный, и потому так легко услышать в нем дыхание гор, музыку ветра, ритм старинных дорог. Здесь искусство не отделено от жизни: оно вплетено в разговор, в жест, в мелодию, в тишину рассвета.

Культура Осетии держится не на громких словах, а на внутренней стойкости, на уважении к памяти и на способности видеть прекрасное даже в самых простых вещах. В ней удивительным образом соединяются древность и современность, а традиция становится не обременением, а светом, который помогает человеку оставаться собой.

Этот мир не стремится поразить — он стремится раскрыться тому, кто умеет слушать. И чем внимательнее смотришь на Осетию, тем яснее понимаешь: ее сила — в искренности, ее красота — в достоинстве, ее культура — в теплом, спокойном свете, который не ослепляет, а согревает.

Эта книга — всего лишь попытка прикоснуться к этому свету, уловить его оттенки и передать то чувство внутренней гармонии, которое возникает, когда думаешь об Осе-

тии. Если на одной странице удалось сохранить хотя бы частицу этой тишины, этой ясности, этой глубины — значит, путь был пройден не зря.

Осетия остается землей, где встречаются прошлое и настоящее, а культура звучит как тихая музыка — не требующая доказательств, потому что ее правда живет в самом человеке.

И пока этот свет сохраняется в слове и памяти, он продолжает жить — ровно, спокойно, красиво.

ПРИМЕЧАНИЕ

В настоящем издании имена и фамилии – Хетагуров, Цагараев, Гассиев, Харебов и другие – приводятся в русской форме написания (вместо оригинальных осетинских форм: Хетæгкаты, Цæгæраты, Гасситы, Харебаты), как это принято в русскоязычных публикациях. В английской версии книги сохраняется тот же принцип передачи имен.

В английском переводе настоящего издания для обозначения прямой речи используются типографские кавычки «елочки», что связано с техническими особенностями издательской платформы Ridero. Мы просим читателей учитывать этот момент как техническое решение, не влияющее на содержание текста.

ETUDES IN ENGLISH

PREFACE BY THE AUTHORS

There is a land where art is born not from form or intention, but from the very breath of nature. That land is Ossetia. Here, light falls upon the canvas as if it remembers the ancient shadows of the mountains; words sound as though echoed by the winds of the passes; and music flows like a mountain stream in which the sky is reflected.

Ossetia has always lived within the realm of art. Its painters, writers, and musicians did not merely create – they listened to the rhythm of their land, turning its breath into colors, lines, and melodies. Their art is a mirror of the mountains, where the human soul beholds itself purified and lifted beyond time.

This collection presents fifteen etudes on the light and resonance of Ossetian culture. Each one is not a biography, nor an essay, but a meditation – on how inspiration becomes destiny, how a national motif transforms into a part of eternal art. Here, philosophy meets poetry, document meets contemplation, memory meets dream.

There is a special silence in which art is born. Within it one can hear not only the call of the mountains, but the whisper of centuries – the echo of those voices that created before us. In every true work of art lives the memory of the ancestors – those who built the world not from stone, but

from meaning; not from sound, but from soul. Thus, the artist is not merely a person, but a mediator between time and eternity, between the moment and the depth.

When the brush touches the canvas, when the pen draws a line, when the first chord resounds – it is not simply an act of creation; it is a testimony to the existence of the spirit, stronger than space and time. Art is a form of memory – where nothing sincere ever disappears.

We live in an age of change, when the noise of time seeks to drown out the quiet voice of beauty. Yet true art does not vanish – it only falls silent for a while, so that one day it may sound again, like an echo in the valleys, like light upon the peaks. And then a person rediscovers the feeling of home – a spiritual home, where roots become wings.

We have sought to speak of that inner music which resounds within every genuine creation. These pages are not so much a narration as an invitation to a dialogue in which light and meaning are inseparable.

May this collection stand as a tribute to all who carry into the world the fire of the Ossetian spirit – the painters, poets, composers, conductors, actors and actresses. And may each etude become a ray reflecting their living, unique light – a light in which memory and inspiration, earth and sky, human being and eternity are joined as one.

ETUDE 1. THE VOICE OF THE MOUNTAINS

The Harp of Kosta Khetagurov

The voice of Kosta Khetagurov is the voice of the mountains – steeped in the scent of alpine herbs, the ring of hooves on a mountain path, and the evening stillness over an aul. He was not just a poet. He was the one who taught the word to look truth in the eye and not avert its gaze.

In his verses the mountains came alive not as background, but as witnesses and judges. They stood beside him when he wrote of poverty and humiliation, of beauty and dignity, of a homeland that can be stern but never foreign. In those lines there lived a harp – unseen yet palpable, with taut strings drawn from the sufferings and love of the people. Each stroke upon them echoed in the heart of Ossetia.

Kosta wrote as if he heard a music others could not hear. It was the music of the sky above Kazbek – the whisper of mountain rivers, the clang of a blacksmith's hammer, the song of a woman over a cradle – all merging into a single chord. He knew how to turn pain into light, and the simple word into a vow.

The philosophy of his poetry is fidelity to truth. He was a harp, but also a mirror in which every Ossetian saw themselves. Sometimes the reflection was bright, sometimes

bitter, but always honest. Kosta said: a people deprived of truth are a people deprived of a future. His voice sounded not only in his poems but in his deeds: in aid to the destitute, in open letters, in an uncompromising stance toward injustice.

And so he became the spiritual matrix of a nation – not in the sense of having created a people, but of having taught them to remember themselves even when everything around urged them to forget. Kosta Khetagurov is not just a page in a book: he is a quiet yet unfailing light burning within anyone who has ever read his lines.

And when the wind rises in the mountains and begins to play in the stone gorges, one might think it is Kosta's very harp answering the eternal call: strings of pain, strings of hope, strings of dream. And the mountains listen. And the people listen. And whoever hears this voice can no longer remain the same.

ETUDE 2. BETWEEN LIGHT AND SHADOW

The Art of Maksim Tsagaraev and Akhsar Gassiev

You return again and again to the paintings of Maksim Tsagaraev and Akhsar Gassiev, as to a window that opens onto a view changing with each day. Their canvases do not merely reflect the world – they speak with it, peer into it, finding hidden meanings where the eye has grown used to seeing only the familiar.

Light and shadow in their work are not technique but philosophy. In Tsagaraev, the light is often gentle as the breath of morning; it embraces objects and people, not tearing them from shadow but letting them remain within its penumbra. In Gassiev, the light is different – sharp, almost resonant, breaking through heavy clouds like a sudden truth from which one cannot look away. Both artists know that light without shadow is blind, and shadow without light is a faceless void.

Their paintings are an inner universe where every detail matters. The philosophy of color in their work is akin to the language of poetry: in Tsagaraev – muted, deep tones, like lines spoken in a half-whisper, all the more piercing for it. In Gassiev – bright accents that flare like emotional climaxes in verse, waking the viewer from habitual perception.

Gazing into their canvases, you begin to understand: they do not simply depict reality – they reveal a new facet of it, as if lifting a veil. That very sunbeam breaking through the clouds becomes, in their hands, not only a scenic element but a metaphor – the awakening of spirit in a person, an insight that arrives not at once, but as a quiet revelation.

Their painting is a form of silent dialogue with eternity. The artists, like keepers, carry not only images but what stands behind them: the memory of a people, its pain, its joy, its striving toward light. In their work one can find the pride of the Narts, the humble beauty of mountain villages, and that fine boundary between earthly and heavenly that makes Ossetia unique.

Time flows differently in their pictures. It is unhurried. It lets you see the glint of sun on water, a crack in old stone, the smoke that slowly rises from a stove-pipe. And in these details lies the philosophy of being itself, where light and shadow do not feud but together create a space in which the soul finds its form.

Perhaps that is why their art remains with us. For leaving a gallery, or closing an album of their reproductions, we carry away not only what we have seen but what we have heard without words – a quiet yet profound reminder: the spirit awakens where light and shadow meet to become a single breath.

ETUDE 3. FROM FORM TO MEANING

The Radiant Worlds of Atsamaz Kharebov

At times, a painter does more than create images – he unveils a space of light where a person seems to meet oneself for the very first time. The art of Atsamaz Kharebov is precisely this: it depicts the world and reveals its radiance, making the invisible visible.

Kharebov's canvases are reflections of other dimensions where matter becomes light and light becomes breath. In them there are no borders between reality and imagination, between what is seen and what is felt. Each painting seems born on the threshold of sleep and waking, where colors are not simply pigment but energy capable of transforming the viewer's inner state.

In his painting there is something of ancient myth and something of a future not yet reached. It is an art of memory and premonition. Through abstract forms there emerges the cosmos of the soul; the lines recall the prime elements – fire, water, air, earth, and light. The artist seems to build the universe anew – not the one outside the window, but the one within a person.

Light in Kharebov is not a visual effect but the semantic center. It does not illuminate objects; it gives birth to them. Each flash, each transition of tone is a movement of spirit,

a search for harmony between chaos and order. This light lives and breathes; it is not static: at times it flares like inspiration, at times it comes to rest in a lucid stillness like a moment of revelation.

His worlds are spaces of contemplation. There is no place for hustle, noise, or accident. Everything is subject to an inner rhythm akin to the breathing of the universe. The viewer seems to enter into dialogue with light itself, sensing it not with the eyes but with the heart. This is the essence of Kharebov's art: it does not narrate; it awakens.

In every canvas there is a sense of a path – from darkness to light, from form to meaning, from chaos to harmony. The path is universal: it runs through a person, through their inner doubts, passions, and hopes.

It may seem his painting is abstract. Yet in truth it is profoundly real – only real otherwise. It is the reality of light, of energy, of consciousness. The artist seems to remind us: truth lies not in what is visible but in what shines within.

Thus his radiant worlds are born – worlds where color becomes thought and line becomes prayer. This is a realm of pure feeling where there are no borders between art and being.

And so, gazing at Kharebov's paintings, we suddenly understand: the light he depicts is the light that lives within ourselves.

ETUDE 4. THE SYMPHONY OF STILLNESS

Felix Alborov and the Silence of Sound

Some composers strive for brilliance and thunder, for powerful chords that sweep through a hall like a rising wave. But there are others whose music is quiet and luminous, and within that quietness lies an entire world. Felix Alborov belonged to the latter. His art was not a challenge, nor a display of force, but a gentle conversation with the soul – where each word-sound carries the weight of an entire life.

He was born among the mountains, and it seems that they became his first school of music. It was not textbooks or scores that taught him harmony, but the wind's murmur, the rustle of leaves, the steady tapping of rain on the roof. From early childhood, he understood that music is more than what is written on paper – it is the breath of the world, heard only by those who know how to be silent. Perhaps that is why Felix Alborov's music was never loud: it was deep, like a lake in which the sky is reflected.

In his works, Felix Alborov never pursued theatrical excess. His compositions were journeys inward rather than demonstrations of external brilliance. At the heart of his musical worldview lay a simple truth: music must heal.

Some called him a composer of intimate spaces, but such a label is far too narrow. Felix Alborov mastered large forms with ease, filling them with natural breathing and inner warmth. He understood the secret nature of the voice – a voice capable of sounding like the many-voiced memory of a people – and he sensed with great subtlety the drama in which a musical line becomes destiny.

The unique strength of his style lay in the organic union of the national and the academic. The Ossetian melodic contour, the tenderness of lyricism, the precision of form – in his music they did not compete, but flowed together into a single living stream.

In life, Felix Alborov was a man of few words. But the moment his fingers touched the piano keys or he opened a clean page of his music notebook, the silence around him entered into an unseen alliance with him. He knew how to listen to the pauses between sounds – and it was there, in those pauses, that true music was born.

Felix Alborov left behind not only scores, but a particular sense – the sense that the world can be harmonious if one learns to hear it. His music does not age because it speaks not to fashion, but to the human soul. And perhaps this is why, listening to it today, we feel the same as his first audiences did: a quiet light begins to grow within us, and the heart starts to breathe in the rhythm of eternity. In that light we recognize the very illumination he knew how to turn into the melody of the soul.

ETUDE 5. A HEART SINGING THROUGH TIME

Zhanna Plieva – The Poetics
of a Composer

In the music of Zhanna Plieva there is no border between past and present. She seems to live in two worlds at once: in the world of ancient tunes sung by firesides and at weddings, and in the world of the subtlest harmonies born in conservatories and concert halls. Her art is a bridge thrown across time, along which anyone can walk who is ready to listen with the heart.

Zhanna Plieva grew up among the sounds of her native land: songs in which women mourned their loved ones or blessed newlyweds; melodies with which shepherds called to one another in the mountains; solemn and wistful motifs of festivities. She carried these sounds through her life, making them the foundation of her musical speech. Yet she never copied folklore literally; she wove it into the fabric of her works like a thin golden thread that lends luster and depth.

Her melodies have a remarkable quality: they are simultaneously familiar and unpredictable – as though they conceal an ancient code that answers in the heart of anyone who hears them, even if they have never been to Ossetia and never knew its songs. Plieva joins the clarity of a folk motif

with a modern musical language: unexpected harmonic turns, intricate rhythmic patterns, orchestrations transparent as mountain air.

A special place in her work belongs to the voice. Song for her is not merely a vocal piece but a dialogue between a human being and the world. It may sound like a quiet confession, or like a powerful, almost epic summons. But at the foundation there is always human feeling: love, longing, hope.

In Zhanna Plieva's orchestral pieces one hears the breathing of space. There are no accidental sounds: every chord is like a step along a stony path; every timbre like a shade of the sky at a different hour. Her music is built not on haste but on contemplation, and therefore it acts deeply and for a long time.

Plieva's philosophy is simple yet demands inner honesty: the past cannot be frozen; it must be lived anew in the present. Only then will it retain its power and speak to the future.

Listening to her works, one feels two rivers – the river of tradition and the river of modernity – flowing into a single current. There is room in this current for everyone: for one who seeks the source and for one who strives toward the future. The music of Zhanna Plieva is not merely sound; it is a heart singing through time, and that heart speaks in a language any person can understand, wherever they may live.

ETUDE 6. THE SOUND OF POWER AND INSPIRATION

Valery Gergiev – The Conductor’s Will

Valery Gergiev stands on the podium as if the motion of the world were gathered in his hands. One gesture – and the brass blaze like mountain dawns; a slight turn of the wrist – and the strings grow still like evening air over a river. His conducting is not mere coordination of an orchestra; it is a current of energy in which will, passion, and mission merge.

His gestures are economical yet full of inner tension. He does not dissipate or scatter emotion – he directs it precisely to the target like an experienced marksman. Under his hand there are no superfluous sounds: every chord is a calibrated thought; every pause, a deliberate breath.

But Gergiev is not only a musician of world stature; he is also a cultural diplomat. His concerts in various countries become messages without words. He is able to speak in the language of music about things hard to say otherwise – about dignity, memory, the right of a people to be themselves. And so it is no surprise that in difficult times, when the fate of South Ossetia and its people was at stake, he did not remain aside. He openly supported his native

land – making statements, giving concerts in solidarity, drawing the attention of the world. For him it was not a courteous gesture but a duty of honor.

Here another facet of his mission appeared: he became a bridge between Ossetia and the world. His name opened the doors of the greatest concert halls, and through those doors he led into the world a part of his homeland. He did not merely represent Ossetia on the world stage – he made the world hear its voice.

His energy is not only the strength of hands that lead an orchestra, but the strength of a heart capable of holding memory and loyalty. In every performance there is something impossible to rehearse: an inner rhythm that unites the heartbeat of the musician with the breath of his people.

When he stands before an orchestra, one can imagine mountains behind him and the whole world before him. In that moment he truly becomes that bridge which joins them – a bridge across which music goes from its source toward the boundless horizon without losing its force or its truth.

ETUDE 7. SILENCE BECOME SOUND

Veronika Dudarova – The Conductor
of Time

The history of conducting knows many resounding names, but the path of Veronika Dudarova is singular. She entered the profession when for a woman to stand at the podium before an orchestra was considered almost impossible. The USSR knew male conductors well acquainted with power and fame, but had not seen a woman capable of commanding that ship of music where every part, every instrument, demands precision, character, and unquestioned authority. Dudarova was the first – and she changed forever what was thought to be possible.

Hers is a story of passing through mistrust, prejudice, and doubt. At the beginning of her career there were those who said openly: «This is not a woman's business.» But she did not argue with words – she answered with sound. With each concert, with each hour of rehearsal, she proved that conducting is not a question of gender but of inner strength and clarity of artistic intent.

Veronika Dudarova possessed a distinctive style of leading an orchestra. Her gestures were precise yet never cold, full of plasticity and assurance. She never tried to copy a «masculine manner» – her conducting was refined yet

charged with energy, and her inner flame could be felt even in the quietest passages. She could make an orchestra play so that in the music one heard not only technique but the breath of living feeling.

Her biography is a chronicle of achievements – and of overcoming. Behind every great concert stood years of persistent labor; behind recognition, hundreds of hours in the hall where she, alone against the world, proved her right to the podium.

Dudarova said that a conductor is not only a musician but a philosopher. Indeed, her interpretations were deep and thoughtful. In her performances one felt not only musical logic but the history behind each note.

She was a conductor of time – able to shape not only the rhythm of music but the flow of meaning. Her concerts left the impression that you had touched something immeasurably greater than a mere rendition of a work.

Veronika Dudarova proved that inner fire can melt the coldest walls of doubt. Remembering her today, we see not only the first woman conductor in the USSR, but a person who taught music to speak with a new voice – the voice in which silence became sound and strength became beauty.

ETUDE 8. A DANCE ADDRESSED TO THE SKY

Svetlana Adyrkhaeva – Ballet and the
Breath of Eternity

Onstage she appeared not as if emerging from the wings, but as if born of light. Her movements were precise like an engraver's line and at the same time fluid like a mountain river in spring. Svetlana Adyrkhaeva did not merely dance – she turned each step into a word, each movement into a phrase, each turn into a pause filled with meaning. Her art stood above technique and glitter; it belonged to the realm where body and spirit cease to be divided.

From childhood her destiny bore rhythm – not only musical rhythm, but the rhythm of inner discipline. Ballet demands sacrifice, and she knew it. Yet for her the sacrifices were not loss but attainment: each morning at the barre, every rehearsal was a step on the path to ideal form – not for beauty's sake but for truth's.

In her dance one felt Ossetia – not in direct folkloric quotation nor in deliberate gestures, but in the very nature of her movement: proud, open, aimed upward. She carried within her that special mountain bearing where the back is straight not because of training but because of an inner sense of dignity.

Adyrkhaeva could turn the stage into a temple. In her performances there were roles where tragedy and exultation coexisted like two sides of a single instant. She could soar – and it was not merely a leap but a gesture of liberation, as if the soul had cast off the weight of the body. She could grow still – and in that stillness the audience heard an entire story.

The philosophy of her dance was simple and immaculate: ballet is prayer in motion. Not before someone, but before the very idea of beauty and harmony. Dancing, she did not «play»; she lived on the stage. Every pas de deux, every arabesque was a conversation with an invisible interlocutor – perhaps with the sky, perhaps with eternity.

When the performance ended, the hall could not let her go. And in the memory of the audience remained an image impossible to forget: the shadow of a ballerina flying across the marble of the stage – light as breath, free as a soul that has finally found its path to the sky.

Perhaps that is why the name of Svetlana Adyrkhaeva has become a symbol of how art can transcend the earthly. It can become a bridge to eternity – if all that a person lives by is placed within it: labor, faith, love, and an endless striving upward.

ETUDE 9. A VOICE THAT OPENS THE UNIVERSE

Veronika Dzhioeva and the Power
of Lyrical Might

There are voices that simply sound, and there are those that create a space around themselves – changing it, filling it with new meaning. The voice of Veronika Dzhioeva is of the latter kind: it does not merely fill a hall but unfolds within it an entire universe. She steps onto the stage and ordinary time ceases to exist; there remain only the music, the breathing of the audience, and the light born of her singing.

For Dzhioeva, opera is not a genre but a form of spiritual transfiguration. She does not «play» a heroine – she becomes one. Each of her performances is an alchemy of sound and feeling in which a note is not a technical unit but a tiny universe with its own color, temperature, and fragrance. Her voice can be soft like a velvet evening over mountains and at the same time piercing like a newborn's first cry.

She possesses the rare gift of singing so that behind the music one hears life. In her arias one hears joy and bitterness, despair and hope, victory and loss. This is not mere interpretation – it is lived experience. The audience believes her because she sings not to display a voice, but to convey truth.

Dzhioeva's voice is like a drop of pure light fallen into darkness and breaking into a rainbow. It fills the hall not only with sound but with the colors of emotion that remain with each listener for a long time. In those sounds are mountain pride, feminine gentleness, and a strength of spirit that cannot be broken.

Her performances are always an encounter with something greater than music alone – an encounter with a soul that has chosen to speak in the language of sound. In that encounter a special silence is born – the very silence that descends after the final note when no one dares to applaud too quickly for fear of shattering a fragile miracle.

The philosophy of her art is that the voice is not merely an organ or a technique but a form of the soul's presence in the world – a bridge between a person and infinity over which one can carry everything: love, prayer, memory, gratitude.

And so, when Veronika Dzhioeva sings, it seems that at that moment the whole hall breathes as one and an invisible sky opens over the stage. In that sky filled with stars and light we hear not merely the singer's voice but the voice of eternity itself echoing in the human heart.

ETUDE 10. THE OSSETIAN OTHELLO WHO CONQUERED THE WORLD

Vladimir Thapsaev. A Life Played Upon
the Stage

There are destinies like the flare of a supernova – bright, blinding, leaving behind a trail of light that does not fade with time. Such was Vladimir Thapsaev, an actor for whom the stage was not a craft, but a realm of the soul’s burning. His talent was so powerful that it became an event not only of art, but of life itself.

The strength of his gift was overwhelming. It did not merely impress the audience – it seared the soul, awakening in a person that which even words or music seldom touch: the feeling of belonging to something higher. There was no pretense in his performance – only the truth of passion, deep, sincere, and ancient as human sorrow itself.

When Thapsaev stepped onto the stage, the space of the theatre transformed. The air filled with an invisible energy that could not be explained by reason – it was an aura of inspiration felt by both the audience and his fellow actors. His Othello astonished the entire country, becoming the measure of true tragic power. His King Lear and Macbeth

entered the treasury of Ossetian theatre, but in essence – they became part of the spiritual history of his people. In every gesture, in every look, in every word resounded not only the destiny of a character, but the voice of Ossetia itself, proud and indomitable in spirit.

He once said: «For me, Shakespeare is eternal searching, labor, and the joy of discovery.» In those words lies his essence. Thapsaev was not merely a performer of roles, but an eternal student of the stage, thirsting to find truth in human nature, in speech, and in silence. He entered each role as if into a new life, rediscovering pain and hope, love and loss – each time truly, unguarded, without the armor of habit.

He possessed a rare gift – the ability to wonder. He never grew tired of learning about life, people, destinies, and character. This inner restlessness made him a great artist, for true art is born not from certainty, but from the thirst for understanding.

Speaking of Thapsaev, one cannot separate the man from the theatre. He was not merely an actor of the Ossetian stage – he was its heart. The influence of his art was felt throughout the ensemble – in tone, in movement, in discipline. In him lived the very idea of serving the stage as a service to the people, to culture, to spirit.

Thapsaev was an actor of rare natural harmony – his voice possessed a unique timbre and range; his movements carried the dignity of the mountains; his face could express an entire spectrum of emotion, from quiet suffering to stormy exaltation. Yet all this was but the outward form. The true power of his gift lay in spiritual energy, in the inner light that radiated from within.

He did not act – he lived. And that is why his art does not age. It belongs neither to time, nor to style, nor to school. It belongs to eternity, where great images continue to resound like prayers addressed to humanity.

Looking today at the path of Vladimir Thapsaev, we see in him not only a great actor, but a symbol – of how from a small mountain land may rise a light equal to that of the world’s greatest stages. He proved that the power of talent knows no boundaries when nourished by sincerity and love.

His life remains a lesson to all who walk the path of creation: Do not fear to remain a student, do not tire of seeking, do not let your flame go out.

ETUDE 11. FLAME BENEATH THE STAGE LIGHTS

Fatima Tadtava – An Actress of Tragedy

When Fatima Tadtava came onstage, the hall ceased to be a hall. It became a space of revelation where every word and gesture turned into a truth spoken not on behalf of a character but on behalf of life itself. Her talent was akin to flame: it warmed and seared at once, drew the eye and would not release it until the performance's end.

Tadtava possessed the rare gift of uniting grandeur and fragility in a single image. Her heroines were strong not because they knew no fear, but because they could walk through it. In her eyes the audience saw an entire history: joys, losses, sleepless nights, quiet prayers, unbending decisions. Even in silence, when she stood onstage without words, her presence was charged with dramatic energy.

Her tragic power lay not in loud monologues but in the truth of emotion. She did not «play» grief – she lived it so that the audience unwittingly became her accomplice. And in that complicity a bond was born that could not be broken: the spectator left the theater, but Tadtava's heroine remained with them – in heart and memory.

Each role for her was not simply a task but a spiritual mission. She said that theater must not only entertain but purify. Therefore a depth could always be felt in her performances – whether in classical tragedy, contemporary drama, or plays imbued with folk motifs. She could raise a private story to the level of symbol, making personal pain the pain of all.

The philosophy of her art was simple: the stage is not a place for display; it is a place for truth. And that truth – laid bare and defenseless – can change people. Tadaeva believed in this power and therefore worked to the limit, giving herself without remainder.

The image that remains in memory is the silhouette of Fatima Tadaeva in the footlights. In that outline one reads a woman's fate, a people's fate, and the eternal theme of the struggle between destiny and will. Her fire onstage was no decoration; it was a real flame that burned away falsehood and revealed what matters most.

Thus today her name sounds as a synonym for honest, deeply felt theater where actress and audience meet not to play, but to pass through an ordeal together and emerge renewed.

ETUDE 12. A FINE THREAD OF LIGHT

Cecilia Dzhatieva – An Actress of the
Eternal Dialogue

The moment Cecilia Dzhatieva stepped onto the stage, the theater's space was transformed. Her appearance was not loud or demonstrative, but deep and compelling, like quietly opening a window onto a world where every detail breathes poetry. In her presence rare femininity and inner strength were joined, and exceptional outward beauty became merely a frame for something far more important – a living, lucid, and at once serious soul.

Dzhatieva possessed the gift of speaking with her eyes without uttering a word. Her gaze could be warm like morning light on a mountain peak, or cold as the ice of a spring-fed brook – and both states were equally convincing. She could evoke emotion without resorting to excess: her power lay in subtlety.

In every role – be it a heroine of classical drama, a lyrical figure of modern writing, or a character rooted in folk tradition – she found that invisible thread that binds stage and audience. Along this thread flowed not simply the action of a play but something more – trust. The audience felt that before them stood a person living the story honestly, without playing for effect.

Dzhatieva's lyrical depth revealed itself in her special vocal timbre and in her ability to sustain a pause so that it spoke more than a long monologue. With a single gesture, a slight inclination of the head, or the faintest smile she could change the emotional key of an entire scene. This was not showy artistry but the fine, filigreed work of the soul.

Her outward beauty was a legend of the theater – but it was never cold or aloof. There was warmth and nobility in it, felt both in her appearance and in her bearing. Onstage she could make beauty not an end but a tool for revealing character, a part of an image in which exterior and interior did not argue but enhanced one another.

When the performance ended and the hall saw her off with long applause, there remained the sense that meeting her had not been merely an evening at the theater, but a touch of something pure and radiant that would live on in memory. Cecilia Dzhatieva left behind images no one can erase and a quiet yet strong thread of light linking the hearts of those who saw her art.

ETUDE 13. WORD AND LIGHT

The Path of Nafi Dzhusoity

Nafi Dzhusoity belonged to a generation whose destinies passed through harsh decades – war, postwar rebuilding, an era of change. He became one of those who gave Ossetian literature of the twentieth century a new breath – human, grounded, sincere.

Yet his word did not turn harsh; on the contrary, it carried a faith – quiet yet unshakable. He wrote not of heroes cast in bronze, but of people of flesh and soul – those who live in auls, raise children, till the land, dream, suffer, and hope. His heroes are not symbols but neighbors. And in that simplicity lies the true nobility of his pen.

In Dzhusoity's poetry there sounds a special musicality: not lush or loud, but like a song sung by the family hearth. He knew how to unite the archaic and the modern, the voice of the people and philosophical depth. His images breathe Ossetia – mountain air, the light of morning peaks, the aroma of wild grasses. Yet behind this concrete nature lies an eternal theme: a person before the face of the world, of conscience, and of memory.

As a prose writer, Dzhusoity was attentive to detail. His stories and sketches are like short spans of life cut with jeweler's precision. There are no loud declarations in them,

but there is the true breath of time. He wrote of working days, of elders and children, of the language that lives in the people and bears its spirit. For him every word was a living being that demanded respect and love.

A special page of his work is translation. He opened to Ossetian readers the voices of other peoples, yet preserved the sound of the native word. In his translations the soul of the original was not lost; rather, it seemed to find a new home. Thus Dzhusoyty built bridges – from mountains to plains, from Ossetia to the world, from heart to heart.

His public writing was not cold analysis but a living conversation with the reader. He could speak simply of complex things – of morality, culture, memory without which a people lose their roots.

The work of Nafi Dzhusoyty is not merely a page of twentieth-century Ossetian literature. It is the path of a man for whom the word was conscience and literature a calling. He did not strive for loud fame, but his voice became that quiet echo that lingers in readers' hearts. Reading his lines, one seems to hear the breath of the native land – steady, calm, yet eternal.

He believed in the power of goodness, in the resilience of the soul, in the immortality of language. Therefore his word does not grow old. It lives wherever the Ossetian speech is heard – in songs, in tales, in every honest word spoken from the heart. And as long as this word sounds, Nafi Dzhusoyty lives.

ETUDE 14. THE UNIVERSE OF THE WORD

The Prose of Alan Charchesov

The prose of Alan Charchesov is a realm where thought and music move in a single rhythm. It is woven of light and shadow, philosophy and irony, remembrance and dream. His writing is not merely narrative but a play with reality, much like in Nabokov's world: behind every word lies another word, behind every meaning – its echo, behind every gesture – its reflection in the mirror.

Each sentence is calibrated like a note in a complex score, where no sound is accidental. Charchesov writes as if he is conversing with the memory embedded in language itself – and language responds with echoes of ancient cultures. He joins the precision of a philologist with the inspiration of a poet. His prose does not tell a story; it remembers, and in this act of remembering, eternity emerges.

His style is intricate, like fine enamelwork. It carries the Nabokovian delight in subtle shades, in transparent doubles of words, in rhythm and resonance. Yet this refinement is not for ornament – it is a way of seeing the world in all its reflections. Like a craftsman standing between two mirrors, he reminds us that language is not a tool, but a destiny.

Cherchesov knows how to smile at tragedy, for he understands the weight of time and sorrow. His irony does not destroy; it protects from pathos. Behind it lies the gentle melancholy of a man who has seen much and therefore refrains from hasty judgments. His world is layered: beneath every visible plot lies a philosophical undertone; beneath the real, the symbolic; beneath the personal, the eternal. His characters seek not adventure, but meaning; not victory, but understanding.

Ossetia, in Cherchesov's prose, is not geography but a metaphysical stage, a point where cultures and epochs intersect. Here, antiquity speaks to modernity; the Caucasus converses with Europe; the local becomes universal. He seems to say that every homeland is a miniature world, and the fate of a small nation can mirror the fate of all humankind.

He builds his «universe of memory» from words as an architect builds from stone. Each book is a tower of mountain rock, crafted not for height but for spiritual endurance. His language is both clear and intricate; there is no stray intonation, no decoration for its own sake. Even when he writes of the past, he writes of the present – for Cherchesov sees memory not as an archive, but as breath.

In his works one hears the resonance of world literature – from ancient tragedy to the modernist prose of the twentieth century, from Kafka to Joyce, from the metaphysicians to the magicians of language. Yet all of this passes through the Ossetian soul, through the sensibility of a writer capable of joining East and West, logic and myth, history and conscience.

Alan Cherchesov creates literature in which Ossetia is not enclosed but open to the world. His characters dwell between languages and epochs, yet they search for one thing – the truth of human existence. And in that search

arises not simply national, but truly universal prose – subtle, intellectual, philosophical, yet always alive.

He does not pursue easy answers; he seeks harmony – between knowledge and faith, light and shadow, personal memory and the memory of a people. This is, perhaps, his true mission: to show that culture is not a museum but a living breath of humanity, and that Ossetia can speak within this breath with one of the deepest voices.

When you read his lines, time itself seems to slow. Words begin to glow like stones under clear water, and suddenly you understand: before you stands not merely a writer but a keeper – a keeper of memory, meaning, and a language capable of eternity.

This voice – quiet, ironic, attentive – continues to resonate. It reminds us that true culture is not the past, but a light moving through the centuries. As long as this light lives in the word, Ossetia remains not merely a point on the map, but a part of the Universe.

ETUDE 15. MEMORY MOVING THROUGH THE FOG OF TIME

Gaito Gazdanov and the Depth of the
Moment

The prose of Gaito Gazdanov is born on the boundary between memory and vision. It does not move along a linear plot but follows the trajectory of consciousness – through fragments of recollection, flashes of clarity, sudden intimations of meaning. His art unfolds as a continuous inner journey, where every impression becomes a step toward something a person hides even from himself.

His life away from his homeland gave his prose its distinctive depth. Living far from his homeland, Gazdanov developed a way of seeing the world from within human experience, through a quiet monologue of the soul. His stories are almost always told in the first person, and everything described – people, streets, scents, shadows – is filtered through the narrator's perception. In this way, an intimate space emerges where events matter only insofar as they alter the inner light of the protagonist.

One of his most intimate and luminous works is the novel «An Evening with Claire.» Here memory is not an archive but a breath, and love is a path carried through an

entire lifetime. Claire is not simply a woman but a figure to which the hero's soul returns even decades later. This feeling – tender, vulnerable, unbroken – becomes an inner compass, the one light that does not fade in the vastness of foreign roads. Through Claire, Gazdanov discovers the hidden depth of the moment, a depth that becomes the foundation of all his later prose: memory as a way to revive the lost and remain faithful to oneself.

But in Gazdanov's work, the theme of emigration is revealed not only through memory but also through the road itself – through movement into the night and its uncertainties. It is this dimension of human existence that he develops in the novel *Night Roads*. It is a book about the fate of an émigré who sees the world through the windshield of a taxi – a profession that became for Gazdanov not merely a job, but a philosophical experience.

In *Night Roads*, the night becomes a space of revelation. The protagonist transports passengers whose lives flare up beside him for only a few minutes – anxiety, weariness, despair, fragile hope. Each encounter is a miniature story, a fleeting fragment of another person's fate. Thus the streets of Paris turn into a map of human existence, while the inner life of the hero becomes a boundless journey between past and present.

Here, the émigré is not simply a person without a homeland; he is one who lives in the interval between worlds. Gazdanov shows that exile is not a geography but a state of the soul, where every step is an effort to keep oneself from dissolving into nameless routine. *Night Roads* is a novel about how a person remains himself in a world that does not notice him – and how the night reveals what daylight keeps hidden.

Together, *An Evening with Claire* and *Night Roads* form two poles of his prose: one is the light of memory, the other the shadow of solitude. And between them stands the

quintessential Gazdanov hero, searching for wholeness in places where it seems almost unattainable.

His narratives frequently break with traditional plot. Gazdanov constructs his works around a unity of mood, rather than a sequence of actions. Transitions occur through association: the scent of flowers, the fall of light, the nighttime hum of Paris may suddenly open a door to a memory that becomes central. This creates a feeling of «memory in motion» – precise and musical, reminiscent of Proust, yet marked by a philosophical tension close to Camus.

In his early works one senses a movement from depicting «all that exists» toward a search for the ideal – from chaos toward utopia, from the fragility of the world toward the desire to hold onto meaning. His later texts are infused with existential unease: his characters often face dark dreams, threats, or even crimes – not out of malice, but from an inner blindness. Gazdanov reveals that a person comes to know himself only in a moment of extreme clarity, which danger often forces upon him.

Yet his prose never loses its sensuality. Every detail – a scent, a gesture, a beam of light – has its own breath. He could render a moment as if it lasted an eternity, and eternity as if it lived inside a single, fleeting movement. Gazdanov's storytelling is a music of silence, where the faintest tone may hold more truth than a loud chord.

The philosophy of his work rests on the belief that memory is the only place where a person can remain whole. Homeland, in his books, is not a geographic point but an inner landscape that accompanies one even in the most foreign places. Perhaps this is why his texts feel like an attempt to reclaim what was lost – not a country, but oneself.

For many decades Gazdanov remained little known in his native land; only at the end of the twentieth century was his

voice rediscovered. Time did not diminish the strength of his prose. On the contrary, its contemplative clarity, philosophical honesty, and musical precision now feel more relevant than ever.

He wrote about what cannot be lost, as long as one can remember. And in that memory lies both his homeland and his eternity.

LIGHT THAT NEVER FADES

Ossetia is a land where culture grows naturally, as an extension of the landscape itself. Its voice is quiet yet assured, and in it one can easily hear the breath of the mountains, the music of the wind, and the rhythm of ancient roads. Here, art is not separated from life; it is woven into conversation, gesture, melody, and the stillness of dawn.

The culture of Ossetia rests not on grand declarations, but on inner strength, on respect for memory, and on the ability to find beauty in the simplest things. It is a place where antiquity and modernity coexist in harmony, where tradition is not a burden but a source of light that helps a person remain true to oneself.

This world does not seek to astonish; it opens itself to those who know how to listen. And the more attentively one looks at Ossetia, the clearer it becomes: its strength lies in sincerity, its beauty in dignity, its culture in a warm, steady light that does not dazzle, but gently illuminates.

This book is merely an attempt to touch that light – to catch its subtle shades and convey the sense of inner harmony that arises when one thinks of Ossetia. If even a single page has managed to preserve a fragment of that stillness, clarity, and depth, then the journey was not in vain.

Ossetia remains a land where past and present meet, and where culture sounds like a quiet music – needing no proof, for its truth lives within the human heart.

And as long as this light endures in word and memory, it continues to live – calmly, steadily, beautifully.

NOTE

In this edition, the names – Khetagurov, Tsagaraev, Gassiev, Kharebov, and others – are presented in their Russian forms (rather than the original Ossetian versions: Khetagkaty, Tsagaraty, Gassity, Kharebaty), in accordance with established usage in Russian-language publications. The same convention is maintained in the English edition of the book.

In the English translation of this edition, quotation marks in the form of «...» are used to indicate direct speech. This results from the technical settings of the Ridero publishing platform. We kindly ask readers to regard this as a technical solution that does not affect the content of the text.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Этюды на русском языке	3
Предисловие от авторов	5
Этюд 1. Голос гор	7
Этюд 2. Между светом и тенью	9
Этюд 3. От формы к смыслу	11
Этюд 4. Симфония покоя	13
Этюд 5. Сердце, поющее сквозь время	15
Этюд 6. Звук власти и вдохновения	17
Этюд 7. Тишина, ставшая звуком	19
Этюд 8. Танец, обращенный к небу	21
Этюд 9. Голос, открывающий Вселенную	23
Этюд 10. Осетинский Отелло, покоривший мир	25
Этюд 11. Огонь под сценическим светом	28
Этюд 12. Тонкая нить света	30
Этюд 13. Слово и свет	32
Этюд 14. Вселенная слова	34
Этюд 15. Память, идущая через туман времени	37
Свет, который не гаснет	41
Примечание	43
Etudes in English	45
Preface by the Authors	47
Etude 1. The Voice of the Mountains	49
Etude 2. Between Light and Shadow	51
Etude 3. From Form to Meaning	53
Etude 4. The Symphony of Stillness	55
Etude 5. A Heart Singing Through Time	57
Etude 6. The Sound of Power and Inspiration	59
Etude 7. Silence Become Sound	61

Etude 8. A Dance Addressed to the Sky	63
Etude 9. A Voice That Opens the Universe	65
Etude 10. The Ossetian Othello Who Conquered the World	67
Etude 11. Flame Beneath the Stage Lights	70
Etude 12. A Fine Thread of Light	72
Etude 13. Word and Light	74
Etude 14. The Universe of the Word	77
Etude 15. Memory Moving Through the Fog of Time ..	80
Light That Never Fades	84
Note	86

Виктор Харебов
Марина Харебова

Осетинские этюды
О художниках, поэтах, музыкантах и мастерах сцены Осетии.

Сборник «Осетинские этюды» объединяет пятнадцать философско-поэтических эссе о выдающихся деятелях искусства Осетии — художниках, поэтах, музыкантах, актерах. Это размышления о свете и вдохновении, о связи таланта с землей и временем, о вечности искусства, рождающегося из духа гор и превращающего человеческое творчество в дыхание самой природы. В каждом этюде звучит любовь к родной культуре и вера в то, что красота способна преодолеть время и сохранить душу народа.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!